

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ ИМЮТЪ ПРАВО СВОБОДНОГО СЪВѢЩАНІЯ

П. АКСЕЛЬРОДЪ

**Историческое положеніе и взаимное
отношеніе либеральной и социалисти-
ческой демократіи въ Россіи.**

Издание „Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи“.

ЖЕНЕВА

Типографія „Союза Русскихъ Соціалъдемократовъ“

1898

и создали організацію, кото-
другимъ путемъ достигну-
На иначе

Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и социалистической демократіи въ Россіи.

(Переводъ съ нѣмецкаго Г. Антонова)

Статья эта была написана осенью прошлаго года для научно-публицистическаго органа германской социальдемократіи „Новое Время“ и появилась въ немъ весной текущаго года подъ заглавіемъ, отличнымъ отъ русскаго. Я позволилъ себѣ измѣнить заглавіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе трудности перелести его. Антоновъ перевелъ нѣмецкое названіе статьи словами: „Историческое оправданіе русской социальдемократіи“, между тѣмъ какъ я хотѣлъ словами: „historische Berechtigung“ выразить, что статья имѣетъ цѣлью доказать жизнеспособность и право на существованіе нашего движенія. „Право“, конечно, въ смыслѣ обусловленности этого движенія историческимъ положеніемъ и взаимными отношеніями классовъ въ современной Россіи. Какъ бы то ни было, русское заглавіе отличается отъ нѣмецкаго тѣмъ, что, вмѣсто субъективнаго момента, цѣли, подчеркиваетъ содержаніе статьи, объективныя данныя, опредѣляющія роль и значеніе русской социальдемократіи въ переживаемую нами эпоху.

Съ удовольствіемъ отмѣчаю совпаденіе моего взгляда на историческія задачи русскаго пролетаріата со взглядами неизвѣстнаго мнѣ талантливаго автора только-что появившейся въ печати брошюры: „Современная Россія“.

Есть основаніе думать, что брошюра эта является не только выраженіемъ индивидуальныхъ взглядовъ автора, но и предвѣстникомъ вступленія нашего движенія въ новый фазисъ. Къ такому заключенію приводитъ № 2 „Рабочей Газеты“ и „Манифестъ Россійской Социальдемократической Рабочей Партіи“. Газета и Манифестъ обнаруживаютъ весьма крупный и крайне знаменательный поворотъ въ политическомъ сознаніи и самосознаніи активныхъ элементовъ нашей такъ недавно начавшей формироваться партіи. *Авторъ.*

I.

Ближайшею цѣлью русской социальдемократіи, многократно формулированной и обоснованной въ ея прессѣ, является: возможно скорѣе придать зарождающемуся рабочему движенію характеръ вполне сознательной организованной борьбы противъ абсолютизма. Эта задача составляетъ фокусъ практическихъ стремленій русской социальдемократіи, — по крайней мѣрѣ, поскольку эти стремленія нашли себѣ выраженіе въ теоретическихъ и публицистическихъ произведеніяхъ ея литературныхъ представителей.

„Но — возражаютъ намъ либералы и народники — вы хотите вызвать рабочее движеніе для борьбы съ абсолютизмомъ и завоеванія такого государственнаго порядка, который самъ является необходимѣйшимъ и элементарнѣйшимъ условіемъ такого движенія. Но не странно-ли и не утопично-ли стремленіе добиваться новаго государственнаго строя средствами, широкое примѣненіе которыхъ предполагаетъ *уже существованіе* этого строя?“

Нѣкоторая доля скептицизма по отношенію къ практическимъ тенденціямъ русской социальдемократіи распространена, какъ кажется, и въ рядахъ западно-европейскихъ рабочихъ партій. Скептицизмъ этотъ покоится отчасти на соображеніяхъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, отцами которыхъ являются самые что ни на есть вульгарные русскіе либералы. Но въ основѣ его лежитъ и реальный фактъ русской дѣйствительности, — только фактъ этотъ неправильно истолковывается. Царское правительство всячески ласкаетъ и приголубиваетъ

капиталистическую буржуазію. Вслѣдствіе этого ей незачѣмъ выступать противъ абсолютизма, — и она политически совершенно индифферентна. И вотъ этотъ-то слой имущихъ классовъ отождествляется съ буржуазіей во всемъ ея цѣломъ, а затѣмъ выводится заключеніе, что въ Россіи вообще нѣтъ еще никакого антагонизма между имущими классами и абсолютизмомъ, а потому у насъ и почвы для массоваго движенія въ пользу конституціонной свободы быть не можетъ. Съ этой точки зрѣнія, стремленія и цѣли русской социальдемократіи должны представляться утопичными, а ея надежды — пустыми фантазіями.

Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ иначе, чѣмъ оно представляется сквозь очки шаблоннаго историческаго воззрѣнія на русскую жизнь.

Покровительственная политика царскаго правительства и безправіе народа являются золотымъ дномъ, съ котораго капиталисты черпаютъ свои богатства. Пока, по крайней мѣрѣ, именно остатки докапиталистической эпохи гарантируютъ широкое поле дѣятельности для ихъ склонностей и appetitовъ. Но рядомъ и подъ этимъ слоемъ буржуазіи имѣются другіе, многочисленные и не лишеныя вліянія слои ея, интересы которыхъ все менѣе и менѣе совмѣстимы, какъ съ таможенной и финансовой политикой правительства, такъ и съ безправіемъ и некультурностью народныхъ массъ.

Въ центрѣ и во главѣ этихъ общественныхъ элементовъ стоятъ представители либеральныхъ профессій: адвокаты, врачи, ученые, учителя, писатели, судьи, разнаго рода техники, наконецъ, учащая молодежь и т. д. Мало того: даже часть образованной бюрократіи принадлежитъ, своими симпатіями и своими стремленіями, къ этимъ прогрессивнымъ кругамъ высшихъ сословій, составляющимъ въ совокупности значительную часть буржуазіи и носящимъ общее названіе „интеллигенціи“. Недаромъ газетные лакеи реакціи безпрестанно доносятъ на нее, какъ на „гидру революціи“.

И въ самомъ дѣлѣ, жизненныя потребности интелли-

генціи вызываютъ необходимость иныхъ условій существованія, чѣмъ тѣ, на которыя обрекаетъ ее нашъ режимъ. Абсолютизмъ стѣсняетъ и опекаетъ ее въ ея профессиональной дѣятельности; онъ даже производитъ *относительное перенаселеніе* въ свободныхъ профессіяхъ, избытокъ „умственныхъ работниковъ“. Затрудняя всѣчески развитіе прессы, мѣшая распространенію школъ и основанію всякихъ другихъ гуманитарныхъ учреждений, правительство тѣмъ самымъ суживаетъ поле дѣятельности интеллигенціи въ сильной степени, ограничиваетъ спросъ на ея рабочія силы и лишаетъ ее необходимѣйшихъ источниковъ ея матеріальнаго существованія. Но, быть можетъ, еще въ большей степени вредитъ правительству интеллигенціи косвенно, угнетая непосильнымъ бременемъ податей крестьянъ и удерживая ихъ въ крѣпостной зависимости по отношенію къ государству. Неимовѣрные государственные налоги, въ связи съ прикрѣпленіемъ къ землѣ и къ міру, всецѣло отдають крестьянъ въ руки жадныхъ и корыстолюбивыхъ мелкихъ деревенскихъ властей, ростовщиковъ и кулаковъ. А такъ какъ не только сельскіе, но и промышленные рабочіе рекрутируются все еще изъ этихъ разоренныхъ и безправныхъ слоевъ населенія, то безотрадное положеніе первыхъ дѣйствуетъ угнетающимъ и обезсиливающимъ образомъ на послѣднихъ — оно обезпечиваетъ русскимъ капиталистамъ колоссальный, подавляющій перевѣсъ силы надъ рабочими. Если припомнить при этомъ таможенную политику русскаго правительства, то не трудно будетъ понять, какимъ образомъ „соціальная политика“ правительства гарантируетъ капиталу огромные прибыли и отнимаетъ у капиталистовъ *личныи интересъ* къ техническому и культурному прогрессу. Слишкомъ много у нихъ грубыхъ, первобытныхъ способовъ эксплуатаціи и самообогащенія, чтобы ощущать потребность въ такомъ прогрессѣ. Между тѣмъ, въ немъ именно и заключается одно изъ необходимѣйшихъ условій существованія „умственныхъ работниковъ“.

Надо указать еще на одно обстоятельство, ярко характеризующее противорѣчіе между абсолютизмомъ и экономическими и культурными потребностями націи. Отягощая крестьянство чрезмѣрными налогами, правительство тѣмъ самымъ отнимаетъ у земства экономическую возможность разрѣшать свои настоятельнѣйшія задачи и выполнять свои существеннѣйшія функціи. Существуетъ „избытокъ“ врачей, и въ тоже время ихъ недостаточно въ деревняхъ. Почему? Да потому, что у земствъ нѣтъ средствъ помочь горю. У насъ нѣтъ средствъ ни для устройства училищъ, ни для распространенія элементарныхъ агрономическихъ свѣдѣній, ни для введенія сколько-нибудь раціональныхъ методовъ въ сельское хозяйство. Потребность во всемъ этомъ крайне настоятельна и общепризнанна въ руководящихъ кругахъ землевладѣльцевъ, но правительство не оставляетъ ничего для земства въ карманахъ крестьянъ.

Нечего и говорить, что на почвѣ этого антагонизма между экономическими интересами интеллигенціи и абсолютизмомъ выросъ и развивается антагонизмъ идейнаго и нравственнаго характера. Добросовѣстное выполненіе профессиональныхъ функцій есть на Западѣ нѣчто само собою разумѣющееся и разсматривается, какъ простая обязанность каждаго, — у насъ же для этого требуется извѣстная доля идеализма, а иногда и гражданскаго мужества: порядочный профессоръ, гуманный врачъ, усердный учитель — въ глазахъ полиціи и реакціонеровъ — люди подозрительные. Основаніе общественныхъ учреждений и предпріятій, являющееся на Западѣ обыденнымъ проявленіемъ индивидуальной и общественной самодѣятельности, въ Россіи считается культурнымъ подвигомъ, потому что, на самомъ дѣлѣ, надо много терпѣнія и самоотверженности, чтобы преодолѣть всѣ препятствія со стороны правительственныхъ органовъ всякимъ подобнымъ учрежденіямъ. Зато каждое дѣло подобнаго рода становится зародышемъ революціоннаго броженія.

И все-же всевластное правительство терпитъ интел-

лигенцію и оставляетъ ей относительно широкое поле общественной дѣятельности. Почему? Отвѣтъ на это читатель можетъ найти въ брошюрѣ Каутскаго: „Антагонизмъ классовъ въ 1789 г.“ Но только все сказанное тамъ объ общественной роли и значеніи интеллигенціи во Франціи конца прошлаго вѣка еще гораздо болѣе примѣнимо къ современной Россіи, — соотвѣтственно ея значительно болѣе высокому промышленному развитію и еще гораздо болѣе высокой ступени интернаціональнаго капитализма, въ атмосферѣ котораго живетъ капитализмъ русскій.

Интеллигенція стала необходимымъ факторомъ общественной жизни; она заполняетъ всѣ поры высшаго общества, она вторгается всюду и — о, иронія! — государственная власть, сама бюрократія не могутъ обойтись безъ нея. Очень важно при этомъ то, что официальные общественные органы и само правительство довольно часто вынуждены прибѣгать къ услугамъ именно лучшихъ, наиболѣе идеально настроенныхъ элементовъ интеллигенціи. Особенно ярко выступаетъ наружу безусловная необходимость и значеніе этихъ элементовъ для общества и государства во время голода или эпидемій. Абсолютизмъ такъ же мало воленъ отдѣлаться отъ нихъ, какъ и отъ капитализма.

Но интеллигенція никоимъ образомъ не единственный привилегированный общественный слой, интересамъ котораго наноситъ ущербъ абсолютизмъ. Рядомъ съ нею стоитъ большой, экономически господствующій классъ, тоже чувствующій себя далеко не вольготно въ узкихъ рамкахъ абсолютной монархіи. Это — классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ общемъ совпадающій съ земельнымъ дворянствомъ. Въ то время какъ за нашей крупной промышленностью обезпеченъ огромный національный рынокъ, защищенный противъ иностранной конкуренціи высокими пошлинами, нашему отсталому сельскому хозяйству приходится вести тяжелую борьбу съ мощными соперниками на международномъ рынкѣ. Эти соперники гораздо лучше вооружены и опираются на

гораздо болѣе высокую національную культуру, чѣмъ русскіе землевладѣльцы. Этимъ послѣднимъ приходится, поэтому, изо дня въ день на собственной шкурѣ испытывать противорѣчіе, возникшее между новыми экономическими условіями существованія Россіи — результатомъ капиталистическаго развитія — и ея отсталой культурой и устарѣлыми правовыми отношеніями. Крупный землевладѣлецъ лично заинтересованъ въ гораздо болѣе быстромъ промышленномъ развитіи Россіи, чѣмъ оно совершается на самомъ дѣлѣ; потому что только такое развитіе освободитъ его отъ необходимости рыскать со своими товарами по всему бѣлу-свѣту. Еще болѣе, или по меньшей мѣрѣ, еще непосредственнѣе заинтересованъ онъ въ развитіи земледѣльческой техники и путей сообщенія, которые даютъ такой рѣшительный перевѣсъ его иностраннымъ конкурентамъ на аренѣ мірового хозяйства. Но абсолютизмъ и полученная нами отъ докапиталистической эпохи въ наслѣдство некультурность, хозяйственная и финансовая политика правительства, произволъ бюрократіи и безправіе народныхъ массъ — все это, какъ китайская стѣна, стоитъ поперекъ дороги дѣлу ускоренія хода нашего промышленнаго развитія и подъему сельскаго хозяйства. Прямо или косвенно, всѣ эти моменты задерживаютъ капиталистическій прогрессъ Россіи. Косвенно тѣмъ, что, благодаря имъ, нація и земля являются совершенно беззащитными объектами необузданной эксплуатаціи, разграбленія и ростовщическаго вымогательства со стороны капитала. Этимъ именно богатые и предприимчивые представители торгово-промышленной буржуазіи освобождаются отъ настоящей необходимости дѣятельно способствовать подъему сельскаго хозяйства и даже прогрессу промышленности. Они скорѣе лично заинтересованы въ дальнѣйшемъ существованіи грубыхъ, отсталыхъ формъ капитализма, въ сохраненіи варварскихъ, но прибыльныхъ методовъ эксплуатаціи.

Разница въ экономическомъ положеніи и интересахъ нашихъ помѣщиковъ, съ одной стороны, и капиталисти-

ческих элементов буржуазіи, — съ другой, ясно отражается и въ дѣятельности нашихъ органовъ самоуправления. По сраженію съ плутократическими думами, земства въ своихъ совѣщаніяхъ, мѣропріятіяхъ и преніяхъ являются прогрессивными и даже демократическими. Поэтому-то реакціонеры и кричатъ, что земства суть легальныя организаціи для „подкапыванія основъ“. Дѣйствительно, земства въ своихъ адресахъ и петиціяхъ неоднократно проявляли конституціонныя вождельнія.

Такимъ образомъ, взаимное положеніе классовъ оказывается какъ разъ обратнымъ тому, какимъ оно было во Франціи и въ Германіи въ соотвѣтствующія эпохи. Тамъ оппозиція противъ монархіи разгорѣлась на почвѣ *общаго антагонизма* народныхъ массъ, интеллигенціи и торгово-промышленныхъ классовъ противъ привилегированныхъ сословій. Въ Россіи же, въ которой нѣтъ такихъ сильныхъ сословій, почвой, на которой зарождается столкновеніе между капиталистическимъ развитіемъ и абсолютизмомъ, является общая ненависть земельного дворянства, интеллигенціи и пролетаризованныхъ народныхъ массъ къ экономически господствующему классу капиталистовъ.

Впрочемъ, эти замѣчанія должны быть ограничены въ томъ смыслѣ, что сословный антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками продолжаетъ существовать и что часть послѣднихъ ищетъ своего спасенія въ милостяхъ царскихъ. Но руководящая роль въ этомъ сословіи все же принадлежитъ, главнымъ образомъ, наиболѣе дальновиднымъ и прогрессивнымъ его элементамъ, проникнутымъ духомъ современнаго капитализма. Они обыкновенно руководятъ земствами и направляютъ земскую политику по отношенію къ правительству и народу.

Итакъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, утвержденіе объ отсутствіи у насъ принципіальнаго антагонизма между высшими классами и правительствомъ оказывается ложнымъ. Въ основѣ его лежитъ, правда, тотъ фактъ, что наши промышленники и коммерсанты живутъ еще въ мирѣ съ правительствомъ и вообще поли-

тически индифферентны. Между тѣмъ, именно о „промышленныхъ и торговыхъ классахъ“ Марксъ писалъ, что „настоящее революціонное движеніе въ Германіи началось съ ихъ переходомъ въ оппозицію“*). Но, во-первыхъ, противно самымъ элементарнымъ представленіямъ о движеніи общества, предполагать, будто теперешнее отношеніе господствующихъ слоевъ буржуазіи къ правительству навсегда останется такимъ и не подвержено вліянію новыхъ условій. Именно, дальнѣйшія, все болѣе и болѣе усиливающіяся проявленія потребностей и стремленій оппозиціонныхъ, враждебныхъ капиталистической буржуазіи классовъ и сословій должны вызвать въ недалекомъ будущемъ столкновеніе между нею и правительствомъ. Можно сказать даже, что смѣшеніе въ одну безразличную консервативную кучу всѣхъ капиталистическихъ элементовъ и теперь уже далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Но затѣмъ, самъ собою навязывается вопросъ: отчего бы совмѣстному выступленію интеллигенціи и вліятельныхъ землевладѣльческихъ элементовъ въ качествѣ оппозиціи не имѣть никакого значенія, въ то время какъ оппозиція эксплуататорскихъ слоевъ буржуазіи имѣла въ Германіи значеніе рѣшающее. Въ Германіи торгово-промышленный классъ боролся, въ интересахъ національнаго развитія капитала, — противъ дворянства, въ Россіи передовые элементы дворянства и интеллигенціи борются тоже за національные интересы и потребности капиталистическаго прогресса, но именно *противъ* названнаго класса, т. е. противъ заправскаго соціальнаго представителя капитализма. Конечно, это довольно своеобразное явленіе. Но оно во всякомъ случаѣ не ослабляетъ значенія того факта, что и у насъ, какъ на Западѣ, движущей силой оппозиціи противъ абсолютизма является капиталистическое развитіе, а цѣлью его — удаленіе всѣхъ преградъ съ пути этого развитія. Если торгово-промышленный классъ экономически сильнѣе и

*) Революція и контръ-революція, стр. 16-17.

играетъ въ экономической жизни страны большую роль, то это до извѣстной степени уравнивается руководящей и организаторской ролью въ обществѣ, выпадающей на долю нашихъ либерально-оппозиционныхъ элементовъ — именно благодаря капиталистическому развитію. Въ качествѣ представителей образованія, выполняя при этомъ важнѣйшія общественныя, а частью и государственныя функціи, они являются головой націи, которая, при нынѣшнемъ уровнѣ экономического развитія Россіи, также не можетъ обходиться безъ нея, какъ отдѣльный индивидуумъ безъ мозга. Такое положеніе нашей интеллигенціи и крупныхъ землевладѣльцевъ дѣлаетъ возможнымъ для нихъ находить средства, чтобы систематически подкапывать нашъ государственный строй такъ-сказать, изнутри.

Поднятіе и усиленіе общественной инициативы и самоуправленія на счетъ бюрократіи, укрѣпленіе и обезпеченіе „законности“ въ ущербъ административному произволу, наконецъ, введеніе всеобщаго элементарнаго образованія — вотъ кардинальные пункты, вокругъ которыхъ вращается дѣятельность нашей легальной оппозиціи, на которыхъ концентрируются ея стремленія и требованія и въ которыхъ они рѣзче всего проявляются. Поводы и формы, въ которыхъ эти стремленія выражаются, весьма разнообразны. А каждый успѣхъ на этомъ поприщѣ равносителенъ, если можно такъ выразиться, вращенію въ русское національное тѣло учреждений, привычекъ, отношеній и запросовъ, стоящихъ въ принципиальномъ противорѣчьи къ абсолютизму и практически отрицающихъ его право на существованіе.

Само собою разумѣется, что либеральныя стремленія нашихъ высшихъ сословій могутъ проявляться лишь съ чрезвычайнымъ трудомъ, путемъ большихъ усилій, и что правительственные органы стараются ставить имъ препятствія и заграждаютъ имъ путь на каждомъ шагу. Но если одни „государственные мужи“ относятся къ либерализму враждебно и недоброжелательно, то другіе изъ нихъ придерживаются противоположной по-

литики. Непосредственный переходъ Россіи отъ натурально-хозяйственной изолированности къ промышленному капитализму, совершившійся подъ давленіемъ несравненно болѣе развитого Запада, поставилъ царскую Россію въ положеніе, къ которому она нисколько не была подготовлена. Возникло колоссальное несоотвѣтствіе между отсталыми техническими, культурными и соціально-политическими средствами, унаслѣдованными отъ *старой Россіи*, и новыми, непрерывно растущими національными потребностями, интересами и задачами. Это-то и заставляетъ правительство дѣлать уступки безсильному либерализму, — не смотря на свою подавляющую силу.

Какъ ни силенъ страхъ правительства передъ общественною самодѣятельностью и народнымъ образованіемъ, — оно все же капитулируетъ и тутъ передъ либеральными элементами, конечно, съ величайшей неохотой. Новая хозяйственная условія существованія и порождаемая ими сложная борьба интересовъ, отношений и потребностей служатъ все болѣе и болѣе растущимъ источникомъ ослабленія царско-бюрократическаго всемогущества и усиленія политически безсильнаго общества по отношенію къ абсолютизму.

Словомъ, подъ давленіемъ отечественнаго и интернаціональнаго капитализма въ русскій національный организмъ проникаютъ и вѣдряются тамъ нѣкоторыя соціально-политическія бациллы, клѣтки-элементы западнаго государственнаго строя. Мѣрять западно-европейской мѣркой, весь вышеуказанный прогрессъ кажется совершенно лишеннымъ политическаго значенія и далеко недостаточнымъ, чтобы вызвать паденіе абсолютизма въ ближайшемъ будущемъ. Дѣйствительно, при обычныхъ условіяхъ онъ не въ состояніи былъ бы привести къ такому перевороту, еслибы дѣйствіе его не распространялось за тѣсныя границы высшихъ сословій. Имѣя въ виду лишь эти сословія, можно было бы даже скорѣе сказать, что уступки правительства скорѣе ослабляютъ оппозицію, усыпляя недовольство однихъ и